

ТРИ ВЗГЛЯДА НА СЛУЧАЙ ЭЛЛЕН ВЕСТ:

ЛЮДВИГ БИНСВАНГЕР, РОЛЛО МЭЙ, КАРЛ РОДЖЕРС

Просматривая последние страницы книг по психотерапии, где традиционно размещаются «Указатели», трудно не заметить, что там, среди имен знаменитых психотерапевтов, часто повторяются и имена некоторых легендарных пациентов. Можно вспомнить целый ряд классических клинических случаев, которые прочно вошли в историю мировой психотерапии. Сегодня нам хорошо известно, сколь значительными вехами в эволюции психоанализа явились случаи Анны О., Элизабет фон Р. (Фрейд, 1992), Сесили или Доры (Сартр, 1992)¹; сколь важным прологом к истории аналитической психологии послужил случай С.В., описанный в 1902г. К.Г.Юнгом в его диссертации «Психология и патология так называемых оккультных явлений» (Юнг, 1939); сколь ценную помощь в понимании экзистенциального смысла тревоги оказал Ролло Мэю случай Гарольда Брауна (May, 1977)², сколь революционную роль в развитии современных представлений о шизофрении и психотерапии шизофрении сыграла публикация случая Рене, в которой швейцарский психоаналитик М.Сеше подробно описывала использование своего метода символической реализации (Sechehaye, 1947), а также случай Джулии, изложенный Р.Д.Лэингом в его знаменитой работе «Разделенное Я» (Laing, 1959). Весьма знаменательным событием в истории психотерапии явился случай Герберта Брайена, опубликованный Карлом Роджерсом в 1942г. (Rogers, 1942). Это была первая в истории публикация, в которой содержался не субъективный пересказ автором своей психотерапевтической работы, а полный дословный текст психотерапевтических сессий, представляющий собой расшифровку их фонографической записи.

Психотерапевтические случаи нередко продолжают жить своей самостоятельной жизнью даже после смерти самих участников психотерапевтической работы. К ним вновь и вновь возвращаются психотерапевты следующих поколений, пытаются глубже понять или по-

---

¹ Далеко не случайно, что в киносценарии Ж.П.Сартра «Фрейд», воссоздающем драматические коллизии биографии великого ученого в годы его первых психоаналитических открытий, эти пациентки становятся одними из главных действующих лиц.

² Гарольд Браун был первым пациентом в психоаналитической практике Р.Мэя, с которым он работал под супервизорством Эриха Фромма.

новому осмыслить творчество классиков. Вокруг некоторых случаев завязывается почти детективная интрига. Достаточно вспомнить судьбу двух из важнейших в истории психоанализа случаев. Немало поправок в психоаналитическую историю внесла знаменитая Анна О. (настоящее имя Берта Паппенхайм), которая прожила долгую и продуктивную жизнь, став известным социальным работником и одним из основоположников феминистского движения. Согласно классической версии Фрейда, канонизированной в анналах истории психоанализа, Йозеф Брейер прервал лечение Анны О. после того, как ее отношение к нему обрело выраженную эротическую окраску, и она стала проявлять симптомы истерической беременности.

Однако ряд современных исследователей, подробно изучив биографию Берты Паппенхайм, стали подвергать сомнению версию Фрейда. Как заключает в своем хорошо документированном исследовании Г.Элленбергер, «эта версия не подтверждается, совершенно не соответствуя хронологии случая» (Ellenberger, 1978). Неожиданное продолжение имеет и история «человека с фобией волков». В 1918г. Фрейд публикует материалы своей аналитической работы с молодым богатым русским дворянином под названием «Из истории инфантильного невроза» (Freud, 1918). У Фрейда были все основания расценивать этот случай как одно из знаменательных событий в истории психоанализа. Он неоднократно использовал его в качестве веского аргумента в своих теоретических спорах с К.Г.Юнгом и А.Адлером, а затем и в полемике с О.Ранком и Ш.Ференци. Это был один из первых случаев, когда Фрейду удалось отчетливо выявить инфантильные сексуальные фантазии. Кроме того, он был весьма удовлетворен терапевтическими результатами своей работы с «человеком-волком». Однако, как нам известно сегодня, его бывший пациент после завершения работы с Фрейдом проходил анализ еще у целого ряда известных психоаналитиков. Случай «человека-волка» и его дальнейшая судьба подробно обсуждаются в целом ряде психоаналитических работ (Gardner, 1971; Mahony, 1984). В одной из них опубликованы воспоминания и самого «человека-волка» (Gardner, 1971).

В середине 70-х годов австрийской журналистке Карин Обхольцер (Obholzer, 1982) незадолго до смерти «человека-волка» удалось сделать с ним серию сенсационных интервью. Во-первых, выяснилось, что до самой смерти ему так и не удалось избавиться от большинства своих навязчивостей, о чем теперь с упоением рассказывают такие противники психоанализа, как, например, Г.Айзенк. Во-вторых, в этих интервью «человек-волк» оспаривает верность многих моментов в описании Фрейда его случая, а также не соглашается со многими его интерпретациями.

Заметное место в истории психотерапии занимает случай Эллен Вест, описанный Людвигом Бинсвангером на основе архивных материалов. В сороковые годы он был опубликован в швейцарском журнале неврологии и психиатрии (Binswanger, 1944-1945), а в конце пятидесятых вместе с

описанием случаев Ильзе, Лолы Фосс и Юрга Цюнда вошел в текст знаменитой монографии Бинсвангера «Шизофрения» (Binswanger, 1957). Если первая, клиническая, часть «Случая Эллен Вест» по праву считается одним из лучших в мировой психиатрии образцов феноменологического описания клинического материала, то вторая его часть является классическим примером экзистенциально-аналитического понимания особого способа бытия-в-мире человека, страдающего шизофренией. Закономерно, что ссылки на «Случай Эллен Вест» можно найти как во многих исследованиях, посвященных шизофрении, так и практически в каждой серьезной работе по экзистенциальной психологии и психиатрии. До 60-х годов экзистенциальная ориентация в психотерапии представляла собой исключительно европейский феномен. Издание в США знаменитой антологии «Существование: новое измерение в психиатрии и психологии» (May, Angel & Ellenberger, 1958), в которую вошел и «Случай Эллен Вест», сыграло заметную роль в распространении экзистенциальных идей среди американских психологов и психотерапевтов, оказало известное влияние на зарождение в Америке так называемой «третьей силы» (наряду с психоанализом и бихевиоризмом) – экзистенциально-гуманистической психологии и психотерапии. Неудивительно, что во многих работах Ролло Мэя – одного из главных пропагандистов европейского экзистенциализма в США и одного из главных инициаторов экзистенциально-гуманистического движения – мы находим его интерпретации идей Л.Бинсвангера и ссылки на случай Эллен Вест.

Неудивительно, что и Карл Роджерс – другой основоположник этого движения – не обошел вниманием классический текст Л.Бинсвангера (Rogers, 1961).

Располагая рядом публикаций, посвященных случаю Эллен Вест, мы имеем возможность устроить на страницах нашего журнала нечто вроде консилиума или «круглого стола», на котором этот случай обсуждается Л.Бинсвангером, Р.Мэем и К.Роджерсом. Первым по порядку идет текст Р.Мэя, который может служить своего рода вступительным словом, дающим краткую историческую справку и представляющим «основного докладчика». Следующим материалом является реферат «Случая Эллен Вест» Л.Бинсвангера. (К сожалению, объем журнала не позволяет нам привести полный текст Бинсвангера: в немецком оригинале он занимает более 130 страниц). И, наконец, в статье «Эллен Вест и одиночество» Карл Роджерс излагает свое видение этого случая, выступая в качестве главного оппонента Л.Бинсвангера и Р.Мэя.

ЛИТЕРАТУРА

Сартр Ж.П. Фрейд. – Киносценарий. – М.: Новости, 1992.

Фрейд З. Случай фрейлейн Элизабет фон Р. // Моск. психотерапевт. журнал, 1992, № 1-2.

Юнг К.Г. Избранные труды по аналитической психологии. – Цюрих: Психологический клуб, 1939, т.1, с.1-84.

- Binswanger L. *Der Fall Ellen West* // *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*. 1944, 53, 255-277; 54, 69-117, 330-360; 1945, 55, 16-40.
- Binswanger L. *Schizophrenie*. – Pfullingen: Neske, 1957.
- Ellenberger H. *The Case of 'Anna O.': A Critical Review with New Data*. // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 1978, 8, 267-279.
- Freud S. (1918). *From the History of an Infantile Neurosis*. *Standard Edition*. – London: Hogarth Press, 1961, vol.1961.
- Gardner M. (ed.). *The Wolf-Man by the Wolf-Man*. – London: Hogarth Press, 1971.
- Laing R.D. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. – London: Tavistock, 1959.
- Mahony P. *Cries of the Wolf-Man*. – New York: International Universities Press, 1984.
- May R., Angel E. & Ellenberger H. (Eds.). *Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology*. – New York: Basic Books, 1958.
- May R. *The Meaning of Anxiety* (2nd ed.). – New York: Pocket Books, 1977, P.220-235.
- Obholzer K. *The Wolf-Man, Sixty Years Later*. – London, Routledge & Kegan Paul, 1982.
- Rogers C. *Counseling and Psychotherapy*. – Boston: Houghton Mifflin, 1942, p.265-287.
- Rogers C. *Ellen West – and Loneliness* // *Review of Existential Psychology and Psychiatry*. 1961, vol.1, № 2, 94-101.
- Sechehaye M. *La Realization symbolique: Nouvelle methode de psychotherapie appliquee a un cas de schizophrénie*. // *Revue suisse de psychologie et de psychologie appliquee*, Berne, 1947, Suppl. № 12.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛУЧАЯ ЭЛЛЕН ВЕСТ

РОЛЛО МЭЙ

Ролло Мэй (род. 21 апр.1909г., г.Эйда, шт. Айдахо) – выдающийся американский психолог и психотерапевт, ведущий представитель экзистенциально-гуманистической психологии. Получив в 1930г. звание бакалавра в Оберлинском колледже, уезжает в Европу. В 1932-1933г. посещает в Вене семинары Альфреда Адлера. Вернувшись в США, Ролло Мэй закончил Нью-Йоркскую теологическую семинарию (1938г.) и в течение трех лет был пастором. Среди преподавателей семинарии в те годы были такие знаменитые протестантские теологи, как Райнхольд Нибур (кстати, автор широко известной молитвы: «Господи, дай мне силы изменить то, что в моей власти...») и Пауль Тиллих. С последним у Ролло Мэя на долгие годы завязывается прочная дружба. Впоследствии он посвятит одну из своих книг описанию жизни и взглядов своего учителя и друга (*Paulus: Reminiscences of a Friendship*. N.Y., 1973). Под влиянием П.Тиллиха в 1930г. Ролло Мэй начинает изучать работы философов-экзистенциалистов. В начале сороковых годов получает психоаналитическую подготовку в Нью-Йорке в Институте психиатрии, психологии и психоанализа Виллиама А.Уайта. В 50-60-е годы активно занимается частной психоаналитической практикой и преподает в том же институте, где тесно сотрудничает с рядом крупных представителей «неофрейдистского» движения, таких как Г.С.Салливан, К.Томпсон, Э.Фромм.

Первым значительным трудом Ролло Мэя была его докторская диссертация, изданная в 1950г. под названием «Смысл тревоги» (*Meaning of Anxiety*. N.Y.: Ronald Press, 1950; 2-е дополнительное издание – N.Y.; Norton, 1977). Это исследование по праву можно назвать энциклопедией феномена тревоги, который рассматривается в нем с философских, социологических, биологических, психологических, клинических и психотерапевтических позиций. В этой работе Ролло Мэй проводит тонкое различие тревоги как клинического симптома и экзистенциальной тревоги как важнейшей конструктивной силы в человеческой жизни, как

«переживания встречи бытия с небытием», «переживания парадокса свободы и конечности человеческого существования». Несколько лет спустя П.Тиллих под влиянием Р.Мэя в своей знаменитой книге «Мужество быть» (Tillich P. *Courage to Be*. New Haven: Yale Univ. Press, 1959) напишет: «Мужество не способно устранить тревогу, поскольку она является неотъемлемым феноменом человеческого существования. Но оно способно принять эту тревогу, этот страх небытия. Тот, кому не удастся мужественно принять тревогу, может избежать отчаяния только посредством бегства в невроз... Невроз – это способ избегания небытия за счет избегания бытия».

В 1953г. Ролло Мэй публикует книгу «Человек в поисках себя» (*Man's Search for Himself*. – N.Y.: Norton, 1953), которая представляет собой популярное введение в экзистенциальную психологию, где исследуются такие феномены, как одиночество, отчуждение, базисная тревога, поиск утраченного смысла и др. В 1958г. Ролло Мэй издает знаменитую антологию текстов европейских психиатров – представителей феноменологически-экзистенциальной ориентации «Существование: новое измерение в психиатрии и психологии» (May R., Angel E. and Ellenberger H. (eds.). *Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology*. – N.Y.: Basic Books, 1958), к которой пишет основательное теоретическое введение. Именно с появления этой книги начинается бурное развитие экзистенциально-гуманистического подхода в американской психологии и психотерапии. В 1959г. на ежегодной конференции Американской психологической ассоциации под руководством Р.Мэя впервые проводится симпозиум по экзистенциальной психологии, в котором принимают участие Г.Оллпорт, А.Маслоу и К.Роджерс. Материалы этого исторического симпозиума под редакцией Р.Мэя составили книгу *Existential Psychology*. – N.Y.: Random House, 1961. В эти же годы Р. Мэй участвует в создании Ассоциации гуманистической психологии. Она была учреждена в 1961г., и Р.Мэй по сей день остается одним из ее главных интеллектуальных лидеров.

Наиболее значительные работы Р.Мэя более поздних лет включают в себя: *Love and Will*. – N.Y.: Norton, 1972; *The Courage to Create*. – N.Y.: Norton, 1975; *Freedom and Destiny*. – N.Y.: Norton, 1981; *My Quest for Beauty*. – Dallas: Saybrook Publ. Co., 1985; *The Cry for Myth*. – N.Y.; Norton, 1988.

Публикуемый ниже текст Ролло Мэя представляет собой отрывок из его книги «Открытие бытия», в котором он задает исторический контекст случая Эллен Вест, описанного Л.Бинсвангером (Rollo May. *The Discovery of Being: Writings in Existential Psychology*. New York: Norton, 1983, p.40-42).

Предметом критики этих психиатров и психотерапевтов³ не были те или иные техники психотерапии. В частности, они признавали, что психоанализ является ценным психотерапевтическим инструментом для работы с целым рядом состояний. Более того, некоторые из них сами практиковали психоанализ и оставались участниками фрейдовского движения. Но все они разделяли глубокие сомнения относительно адекватности психоаналитической теории человека.

Они считали, что дефекты концепции человека, лежащей в основе психоаналитического учения, служат не только серьезным препятствием для проведения научных исследований, но, в конечном счете, накладывают существенные ограничения, как на эффективность психотерапии, так и на возможность развития новых терапевтических методов. Они стремились понять неврозы и психозы, или шире, любую ситуацию человеческого кризиса, не как отклонения от нормативных схем того или иного психиатра, наблюдающего клиническую картину, а как отклонение в структуре существования каждого конкретного пациента, как нарушения его *condition humaine*.

«В психотерапии, основывающейся на экзистенциально-аналитических принципах, производится исследование истории жизни пациента... Однако цель этого исследования состоит не в том, чтобы объяснить историю жизни пациента и специфику его патологии при помощи определенного набора категорий в соответствии с учением той или иной психотерапевтической школы. Оно направлено на то, чтобы *понять* события жизни пациента как модификации целостной структуры его бытия-в-мире» (1).

Случай Эллен Вест является ярким примером применения экзистенциального анализа к конкретному клиническому случаю, а также опытом сопоставления этого подхода с другими методами психологического понимания.

Завершив в 1942 году работу над книгой по экзистенциальному анализу⁴, Бинсвангер извлекает из архивов санатория, который он тогда возглавлял, историю болезни молодой женщины, покончившей жизнь самоубийством. Этот случай датируется 1918 годом – временем, когда еще не была изобретена шоковая терапия, когда психоанализ находился на относительно ранней ступени своего развития, а уровень понимания психических болезней, как покажется нашим современникам, был довольно примитивным.

Бинсвангер использует случай Эллен Вест с целью продемонстрировать принципиальные расхождения подходов традиционной

---

³ Р.Мэй имеет в виду первых представителей феноменологически-экзистенциальной ориентации, таких как Людвиг Бинсвангер, Медард Босс, Густав Балли, Роланд Кун из Швейцарии, Эжен Минковски из Франции, Эрвин Штраус и В.фон Гебзаттель из Германии.

⁴ Р.Мэй имеет в виду фундаментальный труд Л.Бинсвангера: «Основные формы и познание человеческого здесь-бытия». – *Прим. перев.*

психиатрии, и того, как этот случай мог быть понят в рамках экзистенциальной психотерапии.

В детстве и ранней юности Эллиен Вест старалась во всем походить на мальчиков. В подростковом возрасте у нее появляются крайне честолюбивые устремления. Ее излюбленным изречением в ту пору было: «Надо быть Цезарем либо никем». В возрасте 20 лет она попадает в тиски мучительных дилемм, которые она не в состоянии разрешить. У нее чередуются периоды отчаяния и радости, гнева и тихого послушания, и главное, обжорства и голодания.

Бинсвангер показывает односторонность интерпретаций аналитиков, которые работали с Эллиен Вест (один – в течение 5 месяцев, другой – чуть меньше). Они понимали ее исключительно в категориях мира инстинктов, влечений и других аспектов того, что Бинсвангер называет *Umwelt*⁵. Наиболее принципиальные возражения у Бинсвангера вызывает принцип, провозглашенный Фрейдом: «С нашей точки зрения, наблюдаемые феномены должны уступить место предполагаемым стремлениям».

За долгое время болезни, которую сегодня мы квалифицировали бы как тяжелый случай нервной анорексии, Эллиен встретила со множеством психиатров, включая двух крупнейших авторитетов того времени – Э.Крепелина и Э.Блейлера. Первый диагностировал у нее «меланхолию», второй – «шизофрению».

В этом исследовании Бинсвангера совсем не беспокоят вопросы методов лечения. Прежде всего, он пытается понять саму Эллиен Вест. Его внимание привлекает тот факт, что она кажется «влюбленной в смерть».

В юные годы она умоляет «морского царя зацеловать ее до Смерти». Она пишет: «Смерть является величайшим, если не единственным, счастьем в жизни» (с.143)⁶. «О мой величайший друг, смерть, если ты заставишь меня ждать слишком долго, я сама отправлюсь на поиски тебя» (с.242). Она снова и снова пишет в своих дневниках о том, что мечтает умереть, «как умирает птица, у которой разрывается горло от экстаза радости».

Эллиен обладает незаурядным литературным талантом, который проявляется и во множестве написанных ею стихов, и в ее дневниковых записях, и в ее описании собственной болезни. Она во многом напоминает Сильвию Плат. Бинсвангер ставит сложный вопрос: «Возможно ли, что некоторые люди могут реализовать свое существование, только лишая

---

⁵ Следуя за Бинсвангером, Р.Мэй выделяет три модуса мира, три одновременно существующих аспекта, характеризующих существование человека как бытие-в-мире. *Umwelt* (окружающий мир) – мир окружающих объектов, мир естественных законов. Это мир отношений «Я – Оно», «Оно – Оно», по М.Буберу. *Mitwelt* (буквально – «с-мир») – мир отношений человека с другими людьми. Если в «окружающем» мире человек сталкивается со всем многообразием природных сил и приспосабливается к ним, то в мире взаимоотношений (*Mitwelt*), мире «со-бытия» человек вступает в личностные отношения с людьми. По М.Буберу, это мир отношений «Я – Ты». Здесь речь идет уже не об адаптации, а о диалоге, встрече, взаимном признании. *Eigenwelt* (собственный мир) – сфера самосознания человека, его отношений к самому себе, мир его личностных смыслов (см. *May R. The Discovery of Being: writings in Existential Psychology*. – New York: Norton, 1983, p.126-132).

⁶ Здесь и далее Р.Мэй дает номера страниц по тексту: *Binswanger L. The Case of Ellen West*. In: *May R., Angel E. and Ellenberger H.* (eds.). *Existence: A New Dimension in Psychiatry*. – New York: Basic Books, 1958, p.237-364.

себя жизни?» Отвечает на него он следующим образом: «В тех случаях, когда существование может осуществиться только за счет отказа от жизни, оно является трагическим существованием».

История Эллен Вест представляется Бинсвангеру ярким примером кьеркегоровского описания отчаяния в «Болезни к смерти». Бинсвангер пишет:

«Но жить перед лицом смерти значит, по выражению Кьеркегора, "умирать к смерти" или умирать своей собственной смертью, как говорили Рильке и Шелер. В свое время еще Гете высказал мысль, что вообще всякий уход из жизни, всякое умирание является не только выбором, но еще и «самостоятельным актом» жизни. Если Гете говорил о Рафаэле и Кеплере, что «они неожиданно положили конец своей жизни», подразумевая недобровольную смерть, надвинувшуюся на них «со стороны» как некая «внешняя судьба», то мы можем, наоборот, обозначить смерть, самостоятельно осуществленную Эллен Вест, как уход из жизни, как умирание. Кто может сказать, где здесь начинается вина и где кончается "судьба"? (с.294)».

Насколько удалось Бинсвангеру эксплицировать экзистенциальные принципы в этой работе, судить читателям. Однако несомненно, что каждый, кто прочитает объемное описание случая Эллен Вест, будет впечатлен глубокой серьезностью и искренностью стремления Бинсвангера понять мир этой пациентки и, кроме того, поистине энциклопедической эрудицией автора.

Предисловия и перевод В.Н.Цапкина

ЛИТЕРАТУРА

Binswanger L. Existential Analysis and Psychotherapy. In: Fromm-Reichmann F. and Moreno J. (eds.). Progress in Psychotherapy. – New York: Grune & Stratton, 1956, p.145.

Freud S. Introductory Lectures on Psychoanalysis. – New York: Liveright, 1979.

СЛУЧАЙ ЭЛЛЕН ВЕСТ*

ЛЮДВИГ БИНСВАНГЕР

Людвиг Бинсвангер (13 апреля 1881г., Кройцлинген – 5 февраля 1966г., там же) – выдающийся швейцарский психиатр и философ, основоположник 'Daseinsanalyse' – экзистенциально-аналитического направления в психиатрии и психологии. Представитель известной врачебной династии (дядя – крупный клиницист Отто Бинсвангер), вслед за своим дедом и отцом занимает в 1911г. пост главного врача психиатрического санатория Бельвию в Кройцлингене (неподалеку от Цюриха), на котором его сменяет его собственный сын в 1956г. Получил разностороннее образование в Лозаннском, Гейдельбергском и Цюрихском университетах. Защитив в 1907г. диссертацию по психиатрии в Цюрихском университете, где его научным руководителем был К.Г.Юнг, работал ассистентом у Э.Блейлера в знаменитой клинике Бургхельцли (Цюрих), а затем в психиатрической клинике Йенского университета.

В 1907г. с «благословения» Э.Блейлера отправляется вместе с К.Г.Юнгом в Вену, чтобы встретиться там с З.Фрейдом. С тех пор Бинсвангер становится активным участником психоаналитического движения, и между ним и З.Фрейдом устанавливаются теплые дружеские отношения, которые, как ни удивительно, продолжались вплоть до последних дней жизни основателя психоанализа, несмотря на обнаружившееся со временем самое серьезное несовпадение их взглядов. История этой дружбы нашла отражение в книге воспоминаний Бинсвангера (*Erinnerungen an Sigmund Freud von L. Binswanger*. Francke Verlag, 1956). Возможным ключом к разгадке секрета этой дружбы является тот факт, что разногласия у Фрейда и Бинсвангера не носили

---

* Публикация представляет собой реферат, выполненный А.И.Сосландом, по тексту: *Binswanger L. Der Fall Ellen West*. In.: *Binswanger L. Schizophrenie*, Pfullingen: Neske, 1957, S.

идеологический-теоретический характер – как это было в случае отношений Фрейда с А Адлером и К.Г.Юнгом, и не касались чистоты психоаналитического метода – как это было в случае с Ш.Ференци. «Инакомыслие» Бинсвангера не угрожало главным «жизненным интересам» Фрейда.

Дизайн-анализ Бинсвангера не был попыткой создать еще одну школу глубинной психологии, альтернативную фрейдовскому психоанализу, а представлял собой новую философскую антропологию, преодолевавшую дефекты механицизма и редукционизма психоаналитического понимания человека. Так, в 1936г. в своем докладе по случаю восьмидесятилетия Фрейда, озаглавленном «Фрейдовская концепция человека в свете антропологии», отдавая должное заслугам мэтра, Бинсвангер подвергает принципиальной критике антропологические основания психоанализа, фрейдовскую идею «естественного» человека – Homo-Natura. Однако, прочитав текст этого доклада, Фрейд посылает Бинсвангеру довольно теплое письмо, в котором он формулирует так свое понимание их разногласий: «... Я всегда оставался только в подвальном и первом этаже здания. Вы утверждаете, что если перемените исходную точку, виден еще и верхний этаж, в котором обитают столь именитые гости, как религия, искусство и т.п. Тут Вы не единственный, большинство культурных представителей Homo natura того же мнения. В этом Вы – консерватор, я – революционер. Если бы мне предстояла еще одна трудовая жизнь, я бы, наверное, в моем низком домишке дал убежище и этим высокородным господам (З.Фрейд. Избранное. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1969, с.348-349).

В 10-20гг., занимаясь клинической работой и оставаясь приверженцем психоанализа, Бинсвангер, в отличие от большинства своих коллег, интересуется не столько проведением новых научных исследований, созданием новых психологических теорий или разработкой более эффективных методов лечения, сколько переосмыслением фундаментальных философско-методологических оснований психоанализа и современной ему психиатрии и психологии. В творческих поисках Бинсвангера в этой области можно условно выделить три основных этапа.

Первый из них уместно назвать неокантианским – период увлечения кантовской «Критикой чистого разума», работами философов марбургской школы, в особенности, П.Наторпа, а также «понимающей психологией» В.Дильтея и Э.Шпрангера – который увенчался публикацией первого значительного труда Бинсвангера «Введение в проблемы общей психологии» (*Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Zurich, 1922*)⁷. Следующий, феноменологический, этап,

⁷ Одна из важнейших методологических работ Л.С.Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» (1927г.) явилась в значительной степени его откликом на критический анализ психологии, проделанный Л.Бинсвангером в его «Введении...» Диалогическая напряженность, которой заряжен текст Выготского, кажется, питается его внутренней полемикой с Бинсвангером.

пришедшийся на 20-е годы, связан с попыткой пересмотра фундаментальных положений классической психиатрии как естественнонаучной объективирующей дисциплины при помощи методологического аппарата феноменологии Э.Гуссерля, К.Ясперса и М.Шелера (см. например, Л.Бинсвангер. Феноменология и психопатологии. // Логос, 1992, № 3, с.125-135). Поворотным пунктом в научной биографии

Бинсвангера был выход в свет в 1927г. «Бытия и времени» М.Хайдеггера. В дазайн-аналитике Хайдеггера Бинсвангер нашел те недостающие в гуссерлевской феноменологии звенья, которые были необходимы ему для построения «терапевтической» антропологии. Это позволило ему осуществить экзистенциально-феноменологический переворот в психиатрии и психологии. «...Указанием на базисную структуру экзистенции как бытия-в-мире Хайдеггер дает в руки психиатра ключ, с помощью которого он может, освободившись от предрассудков какой бы то ни было научной теории, прояснять и описывать изучаемые им феномены в их внутреннем контексте и во всей полноте их феноменального содержания». (Binswanger L. Analytic of Existence and Us Meaning for Psychiatry. In: Needleman J. Being in the World: Selected Papers of Ludwig Binswanger. – N.Y.: Basic Books, 1963, p.206).

Таким образом, экзистенциальный анализ (Daseinsanalyse) Бинсвангера является последовательным применением фундаментальной онтологии Хайдеггера к психиатрическому материалу. Помимо специальных психиатрических трудов «О скачке идей» (Uber Ideenflucht, 1931-1933), «Шизофрения» (Schizophrenie. Pfullingen; Neske, 1957), «Три формы неудавшегося бытия» (Drei Formen Missgluekten Daseins, 1956), Бинсвангер является автором монументального философского сочинения «Основные формы и познание человеческого бытия» (Grundformen und Erkenntniss Menschlichen Daseins. – Zurich, 1942), значительная часть которого посвящена экзистенциальному анализу любви.

Более подробно познакомиться с творчеством Л.Бинсвангера, помимо его оригинальных работ, опубликованных на немецком языке, можно в следующих публикациях: May R., Angel E. and Ellenberger (eds.). Existense: A New Dimension in Psychiatry and Psychology. – N.Y.: Basic Books, 1958; Needleman J. Being in the World: Selected Papers of L.Binswanger. – N.Y.: Basic Books, 1963; Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. – М.: Политиздат, 1985; Никифоров О.В. Терапевтическая антропология Людвиг Бинсвангера //Логос, 1992, № 3, с.117-124.

В данном тексте читатель не найдет описания психотерапевтического процесса, обоснования терапевтической техники и т.п. Речь здесь идет только о понимании мира пациентки. Не диагностике и терапевтическим приемам должен научить этот случай, но осознанию того, как болезненный процесс влияет на структуру бытия-в-мире человека, как он ее деформирует, превращая в «неудавшееся бытие». Ограничиваясь рефератом, мы вынуждены были идти на существенные потери как

содержательного характера, так и касающиеся эстетического наслаждения от прекрасного языка (восходящего к неповторимому стилю М.Хайдеггера), которым написана эта, в сущности, настоящая «психопатологическая поэма».

Иностранка Эллен Вест – единственная дочь в состоятельной еврейской семье. Помимо нее – два брата, один старше, другой младше нее. Младший стационарировался в психиатрическую больницу в связи с психотическим состоянием, сопровождавшимся суицидальными идеями. Наследственность отягощена по отцовской линии психотической патологией различной нозологии, в том числе и невыясненной.

Отец – внешне сдержанный, замкнутый в себе, волевой, деятельный человек, в глубине души, однако, ранимый и мягкий, склонный к сомнениям. Порой имели место ночные депрессии, состояния тревоги с критикой в свой адрес.

Мать – мягкая, добрая, нервная женщина, легко внушаемая. В период помолвки в течение трех лет страдала депрессией.

Роды нормальные. В 9 месяцев Эллен отказалась от молока. Росла живым, но своевольным и упрямым ребенком. Уже в детстве бывали дни, когда казалось, что «все пусто», страдала при этом от некой «тяжести», не понимая при этом, в чем дело.

После детского сада от 8 до 10 лет посещала школу, куда ходила охотно. Была очень честолюбивой, могла часами плакать, если не оказывалась на первом месте по любимым предметам. Ее девиз в то время: «aut Caesar, aut nihil!» До 16-летнего возраста играла в мальчишеские игры, охотнее всего носила брюки. С детства была привычка сосать большой палец, но в 16 лет с началом влюбленности, длившейся два года, с этой привычкой, равно как и с детскими играми, было вдруг разом покончено.

В том же примерно возрасте после чтения романа А.Якобсена «Нильс Люне» превратилась из глубоко верующего человека (несмотря на атеистическое воспитание) в законченную атеистку. Мнение окружающих ее совсем не заботило. С детства сочиняла стихи, вела дневник, где в 18 лет воспевала радости труда, и в том же примерно возрасте описывала путешествие с родителями в Париж.

Тогда же в ней возникло желание стать такой же нежной и «эфирной», как и ее подруги, которых она себе выбирала.

В 19 лет – заокеанское путешествие с родителями, «счастливейшее и самое безоблачное время» ее жизни. В 20 лет она полна счастья, надежд, фантазий. Стихотворения этого периода излучают радость жизни. В том же году вновь заокеанское путешествие, предпринятое с целью ухаживать за тяжело заболевшим старшим братом. Это был последний период, когда она беззаботно могла есть. Тогда же состоялась помолвка с неким романтическим юношей из-за океана, расторгнутая по настоянию отца.

На обратном пути провела несколько недель на Сицилии – последнее счастливое время в ее жизни; в дневнике появляются намеки на сомнения и тревожность; Эллен чувствует себя маленькой и полностью потерянной в этом мире.

Тогда же появляется нечто новое, вполне определенный страх, а именно страх растолстеть. На Сицилии у нее был гигантский аппетит, отчего она располнела и некоторые из ее подруг ее в связи с этим поддразнивали. Тогда же она начала «умерщвлять плоть» голоданием и длительными прогулками.

21 год. Летом после возвращения из Италии настроение выражено «депрессивное». Ее преследует мысль, что она слишком толста и поэтому она подолгу гуляет. В дневнике – жалобы, что у нее нет родного дома – даже в доме родителей она не находит себе дела, которого ищет, покоя нет, сидеть спокойно для нее мука.

«Моя внутренняя самость так тесно сплетена с моим телом, что оба вместе образуют целое и заполняют мое Я, нелогичное, нервное, индивидуальное Я».

И в дневнике далее: «Я презираю себя». «День ото дня я становлюсь все толще, старше и безобразнее». «Если он заставит меня ждать – мой большой друг Смерть, тогда я отправлюсь в путь искать его сама». Она уже не грустна, а просто апатична. Осенью того же года Эллен постепенно выходит из депрессивного состояния. Однако наряду с проснувшимся жизненным задором и стремлением к деятельности имеет место тревожность и отчаяние. В дневнике она жалуется на «железные цепи повседневности: цепи условности, цепи состояния, цепи комфорта».

Зимой Эллен занята устройством комнаты-читальни для детей при помощи благотворительного общества, но весной ей этого уже недостаточно. В дневнике она отводит душу, рассуждая о ненависти к блеску и благополучию.

Осенью того же года он готовится к экзаменам на аттестат зрелости с целью изучать потом национальную экономику. Она занимается целыми днями, часто и по ночам, поддерживая себя черным кофе и холодными обтираниями.

Осенью следующего года (Эллен 23 года) она проваливается на экзаменах. Одновременно с этим – неудачная любовная история.

Теперь наряду со страхом потолстеть появляется повышенная жадность в еде, особенно в отношении сладкого и особенно тогда, когда после общения с другим человеком она чувствует себя утомленной и нервной. В присутствии другого человека еда не приносит ей удовлетворения, но лишь тогда, когда она ест одна. Имеет место противоречие между страхом растолстеть и желанием иметь возможность есть без помех.

Чуть позднее она сдает экзамен на учительницу, чтобы иметь возможность посещать университет.

Во время учебы завязываются любовные отношения с одним студентом. Эллен счастлива. Позднее она обручается со студентом, но родители требуют, чтобы они на время расстались. Весной (Эллен 24 года) случается одна из сильнейших ее депрессий. На курорте, куда она отправилась, она делает все, чтобы похудеть, совершает огромные переходы, принимает в день по 36-48 таблеток тиреоидина.

Тоскуя по дому, она возвращается с разрешения родителей, сильно исхудавшая, с дрожанием в конечностях, продолжает терзать себя в течение всего лета, однако душевное состояние ее улучшается. Осенью (ей 25 лет) – третье путешествие за океан. Врач констатирует у нее базедову болезнь, она шесть недель проводит в постели, прибавляет в весе, много плачет по этому поводу. Чуть позднее расстраивается ее помолвка, еще позднее – вновь депрессивное состояние. Далее она увлекается своим кузенком. Они совершают совместное путешествие, порой делая по 30-40 км в день. Хотя расстройство помолвки со студентом остается открытой раной, завязывается роман с кузенком.

В 26 лет у Эллен просыпается любовь к музыке. Они с кузенком вынашивают план пожениться. Однако еще два года Эллен колеблется между кузенком и студентом. Только в 28 лет она выходит за кузена. При этом она продолжает заниматься своей фигурой, а, глядя на себя в зеркало, чувствует, что ненавидит свое тело, и колотит по нему кулаками.

Выйдя замуж, Эллен часто пребывает в хорошем настроении, с большим рвением работает в системе социальной помощи. Однако она буквально разрывается между желанием родить ребенка и страхом растолстеть. Ранее регулярные месячные теперь задерживаются, и обманутые ожидания беременности огорчают ее. Тягостные чувства вызывает у нее и прибавка в весе. Узнав от своего врача, что усиленное питание вовсе не является необходимым для успешной беременности, она вновь начинает принимать сильные слабительные средства.

На 30-м году жизни, постепенно уменьшая свой рацион, она становится вегетарианкой. Работает при этом очень активно.

Зимой (на 31-м году жизни) она вдруг ощущает резкий упадок сил. Она выполняет тот же объем работы, но это ее уже не вдохновляет. Она спит против своей прежней привычки по 12 часов в сутки.

Весной того же года, путешествуя с мужем, она понимает, что она проживает теперь свою жизнь, ориентируясь только на то, чтобы остаться худой, что она все свои поступки подчинила этой идее, которая имеет над ней чудовищную власть. Она в это время опять снижает свой рацион, теряет в весе 94 фунта, интенсивно занимаясь рецептами, таблицами калорий и т.д. Она требует от окружающих, чтобы они ели вволю, в то время как отказывает себе во всем. Блюда, которые, как она считает, не толстят, например, треску, моллюсков, она поедает с большой жадностью и скоростью.

На 32-м году жизни ее соматическое состояние ухудшается еще сильнее. Прием слабительных возрастает неизмеримо, по ночам у нее – мучительная рвота, днем – сильнейший понос, причем отмечается сердечная слабость. Эллиен похожа на скелет и весит всего лишь 84 фунта. «Все внутреннее развитие, всякая действительная жизнь прекратились». Она целиком охвачена своей «подавляющей идеей, которую долгое время считали бессмысленной».

В 31 год она начинает курс психоанализа у молодого психоаналитика, не помешанного на Фрейде. Она вновь обретает надежду, посещает театры, концерты. В письмах к мужу она пишет, что аналитик «может дать мне знание, но не излечение».

Мнение аналитика, что ее главная цель – «подчинение себе всех других людей», она находит исключительно верным и пугающе правдивым. Во время анализа она все более ограничивает себя в пище, жалуясь при этом на тягостную необходимость постоянно думать о пище.

«Мысль об оладьях – это для меня самое страшное, что вообще может быть».

В августе (Эллиен 33 года) психоанализ прерывается по неким внешним причинам. Прием пищи становится нерегулярным, Эллиен пропускает отдельные трапезы, чтобы затем с жадностью и без разбора наброситься на любые находящиеся под рукой продукты. Они обращаются к другому психоаналитику, который более близок ортодоксальному психоанализу, чем первый. Шестого октября муж по желанию аналитика уезжает от Эллиен, а 8-го октября она предпринимает попытку самоубийства, приняв 56 таблеток сомнацетина, которые ночью однако извергает со рвотой. Аналитик не придает значения этой попытке и продолжает анализ. В целом Эллиен предоставлена себе и, чувствуя себя ужасно, с плачем бежит по улицам, не разбирая дороги.

Седьмого ноября следует вторая попытка самоубийства – 120 таблеток сомнацетина. На следующий день имеет место состояние, определяемое аналитиком как «истерическое сумеречное». Она плачет и стонет целый день, отказывается от приема пищи.

Десятого ноября она несколько раз пытается броситься на улице под автомобиль, а 11-го, находясь у аналитика, предпринимает попытку броситься из окна. Двенадцатого ее стационарируют. По просьбе аналитика она возобновляет свои записи.

«Я думаю, что не страх сделаться толстой является на самом деле моим навязчивым неврозом, а постоянное желание есть».

«Что значит для меня это ужасное чувство пустоты? Отвратительное чувство неудовлетворенности после каждого принятия пищи? Сердце проваливается в пропасть, я чувствую это своим телом, это неопишимо тягостное ощущение».

«Меня мучают две вещи: первое это голод. Второе – страх растолстеть. Я не могу вырваться из этой петли».

«Когда я голодна, я не могу ясно видеть происходящее, не могу анализировать».

«Во время анализа мы объяснили все так: в процессе принятия пищи я пытаюсь удовлетворить два желания – голод и любовь. Голод утихает – любовь нет. Остается огромная, ничем не заполненная дыра».

«Ужасно – не понимать себя. Я стою перед собой как перед чужим человеком: я боюсь за саму себя и боюсь тех чувств, во власть которых я отдана, против которых я беззащитна».

В клинике Эллен чувствует себя успокоенной, душевно расслабленной. Происходят перемены в рационе, она лучше ест, прибавляет в весе.

В начале декабря ее консультирует Э.Крепелин, ставит диагноз меланхолии. Психиатрик не соглашается с диагнозом, продолжая анализ.

В начале года психоанализ прекращается и пациентка переводится в клинику Bellevue (Бельвю) в Kreuzlingen (Кройцлинген)⁸.

В сопроводительной записке интерниста говорилось, что месячные у пациентки отсутствуют в течение нескольких лет, имеют место эндокринные изменения. Психиатрик в своем подробном отчете сообщал, что у пациентки имеет место обсессивный невроз. По его данным, речь шла о том, что для нее стройный равняется более высокий духовный тип человека, в то время как толстый равняется буржуазно-еврейский. Она также выказывает истерические способы поведения, связанные с отношением к мужу. Установлена связь (в сфере анальной эротики): еда = оплодотворение = беременность = полнота. Перенос был настолько явный, что однажды она уселась аналитику на колени и поцеловала его. Имел место также «отцовский комплекс»: ее навязчивая идея означала отказ от отцовского (буржуазно-еврейского) образа.

Состояние питания на момент поступления было удовлетворительным; пикнического телосложения, несколько юношеского типа. В больнице порой возбуждена, чаще спокойна. Страдает от навязчивых желаний «наброситься на еду и проглотить ее подобно зверю». С другой стороны, подвластна аскетическим импульсам, особенно во время еды. Общаясь с другими пациентами, чувствует себя «как труп среди живых людей».

Сновидения касаются тем еды и смерти.

1-й сон. «Мне приснилось нечто великолепное: разразилась война и я должна идти воевать. Я прощаюсь со всеми, радостно ожидая, что вскоре умру. Я радуюсь, что напоследок могу наесться, поедаю большой кусок кофейного торта».

2-й сон. Эллен в некоем сумеречном состоянии снится, что, она «жена художника, который не может продать свои картины. Она должна помогать ему, шить и т.д., однако не может этого делать, ибо чувствует

---

⁸ Клиника, где Л.Бинсвангер был главным врачом с 1911 года.

себя больной, и оба должны голодать. Она просит его достать револьвер, чтобы застрелить их обоих. «Ты слишком труслив, чтобы нас застрелить, два других художника себя застрелили».

3-й сон. Во время заокеанского путешествия прыгает в воду через иллюминатор. Первый возлюбленный (студент) и муж пытаются ее реанимировать. Она съела множество пралине и запаковала чемодан.

4-й сон. Она заказывает гуляш, говоря при этом, что очень голодна, просит, однако, маленькую порцию. Жалуется своей старой няне, что ее очень мучают. Хочет поджечь себя, находясь в лесу.

В клинике сны из психотерапевтических соображений не анализируются.

Ее не оставляют мысли о смерти. Она предлагает одному из крестьян 50 тысяч франков за то, что он ее немедленно застрелит.

«Я чувствую себя совершенно пассивной, вроде сцены, на которой две враждующие силы кромсают друг друга».

Вспоминает о том, что желание уйти из жизни преследовало ее с детства.

В марте ее консультирует Э.Блейлер и некий зарубежный психиатр.

Для Блейлера (как и для автора) наличие шизофренического процесса несомненно, другой консультант говорит о психопатической конституции, которая постоянно прогрессирует. Оба согласны с тем, что не может быть и речи ни о неврозе навязчивых состояний, ни о маниакально-депрессивном психозе.

Пациентка после консультации чувствует себя лучше, заявляет, что хочет взять свою жизнь в свои руки. Она ведет себя спокойно и уравновешенно, внутренне, однако, напряжена. Тридцатого марта она выписывается из клиники.

На пути из клиники Эллен очень бодр. Однако вскоре она чувствует себя более остро, чем в клинике, неспособной к жизни.

Вскоре все ее симптомы возвращаются обратно. Через три дня пребывания дома она меняется.

Впервые за долгое время она берет на завтрак масло и сахар, на обед ест столько, что – впервые за 13 лет! – чувствует себя удовлетворенной от принятия пищи и по-настоящему сытой. Она гуляет с мужем, читает книги, пишет письма, настроение праздничное. Перед сном она принимает смертельную дозу яда и утром не просыпается. «Она выглядела так, как никогда в жизни – спокойной, счастливой, умиротворенной».

Экзистенциальный анализ

Мир

Уже в факте отказа Эллен от молока в детстве мы видим, что между ее телесным собственным миром (Eigenwelt) и окружающим миром (Umwelt) проходит «разделяющая черта». Там, где речь идет о сопротивлении против окружающего мира или мира взаимоотношений (Mitwelt), эти миры приобретают значение границы, а точнее,

сопротивляющейся, давящей границы. На это указывают и характеристики, которые Эллиен получает со стороны мира взаимоотношений: упрямая, своенравная, честолюбивая, упорная. Самость бытия-в-мире, проявляющаяся как упрямство и своенравие, не есть самостоятельная, подлинная, свободная самость, но определяясь со стороны мира взаимоотношений, хотя бы и только негативно, есть несамостоятельная, неподлинная, несвободная, одним словом, упрямо-упорная самость.

Впоследствии упрямство и своеволие превращаются в честолюбие, а именно в честолюбие, связанное со сферой социальных перемен. Вместо подлинных отношений Я – Ты, бытия-совместно-друг-с-другом (Mitsein-andersein) мы видим просто со-существование в мире окружающей среды (mitweltliche Mitsein) одного человека с другим, а именно в форме подчинения себе другого, используя его слабое место, желания покорить и направлять его. Это слабое место других, мира взаимоотношений она обнаруживает, проявляя упрямство в лоне своей семьи, оно заключается в благополучии на фоне лишений и страданий «массы». Здесь мы встречаемся с мотивом любви к человечеству, что отражается в желании работать в системе социальной помощи.

Миры, в которых здесь-бытие (Da-sein) Эллиен обретает свое «здесь» (Da), это мир на земле, мир в воздухе и мир под землей.

В 18-летнем возрасте у Эллиен появляется желание быть столь же нежной и эфирной, как и ее подруги. Это желание приводит к тому, что эфирный и мир распространяется не только на сферы мира взаимоотношений и окружающего мира, но и на сферу собственного ее мира, где противостоит силе тяготения, неподвижности, массивности, словом, всему, что сопротивляется эфирности в ее телесной сфере.

Одновременно с этим эфирному миру противостоит ужасный, затхлый, мрачный влажный мир, бесцветный мир могилы. Возможность бытия-поверх-мира (Uber-die-Welt-hinaus-Seins) кроется не только в полноте бытия-в-мире (любовь), но и в тенденции назад в ничто.

Эфирный мир, полный любви, радостей (в том числе и от занятий спортом, путешествий и т.д.), наталкивается все время на ограничения. Родительский дом превращается в склеп, влияния, исходящие из дома, воспринимаются как сужающие ее мир. (Эпизод расторжения помолвки с романтическим заокеанским юношей по требованию отца.)

Мир в целом имеет для нее характер угрожающего, ужасного мира, противодействие между светом и мраком происходит теперь в ее собственном мире. Легкий, светлый, лишенный сопротивления мир, эфирный мир противостоит темному, тяжелому миру земли, миру могилы, что находит отражение в противопоставлении «души» и «тела», причем тело выступает как оковы и тюрьма души.

Страх стать толстой, начавшийся в 20 лет, с психиатрической точки зрения ставший первой манифестацией, началом болезненного процесса, с

антропологической точки зрения означает не начало, но конец, конец открытости ее бытия своим экзистенциальным возможностям. Происходит окончательное их закрепление в застывших экзистенциальных противоположностях: светлое и темное, цветение и увядание, стройный = духовный и толстый = бездуховный.

Вместо предпочтения сферы будущего на первый план выходит засилье прошлого. То, что остается у нее, – лишь попытки вырваться из этого круга, все более воспринимаемого как заключение, тюрьма. Направление жизни Эллен Вест – это уже не путь в будущее, но кружение в настоящем, закрытом для будущего, подчиненном прошлому.

Она не может сидеть спокойно, ибо у нее нет внутреннего покоя. Ужасающее состояние пустоты, известное Эллен с детских лет, можно описать более отчетливо как чувство недовольства, то есть несоответствия идеала и действительности. Нас не удивляет больше, что это чувство появляется после еды. Еда для Эллен означает необходимость заполнить отверстие, брюхо и стать таким образом толстой, и одновременно это – отказ от эфирного идеала.

Кажется при этом парадоксальным ощущение пустоты после еды, полный желудок усиливает пустоту. Полнота телесного бытия с точки зрения эфирного мира означает духовную пустоту.

Что касается сновидений, то всегда речь идет о смерти и еде. В первом сне речь идет о возможности спокойно поглощать полнящую пищу перед лицом близко надвигающейся смерти и о радости по этому поводу. Это не следует понимать ни в духе «перспективной тенденции» по Медеру, ни как провидческий сон, а только как демонстрацию глубокой внутренней связи мотивов жадности в еде и смерти.

Второй сон, более изобретательный, чем первый, создает социальную ситуацию, мотивирующую двойной суицид супругов. Мысль о расставании с жизнью совместно с мужем не была чужда Эллен. Отсюда упреки ему в трусости.

Четвертый сон вновь, без сомнения, указывает на мучительность ее существования и желание умереть.

Смерть

С точки зрения дазайн-анализа, смерть Эллен можно рассмотреть и как «акт произвола», и как необходимое событие. Эллен Вест достаточно созрела для своей смерти, эта смерть стала неизбежной реализацией жизненного смысла ее бытия.

Эллен Вест еще в юном возрасте состарилась. Смысл жизни ее бытия был реализован еще в юные годы, прожитые в огромном темпе, а также вследствие кругообразного движения жизни.

Дазайн-аналитическое положение о том, что интуитивное чаяние смерти, смерть имманентная жизни (фон Гебзаттель), обнаруживает себя как тень жизни, определяет и то, что близость смерти ощущается как просвет, как праздничная бытийная радость.

Истинность утверждения, что то, как человек умирает, показывает, как он жил, в случае Эллен Вест подтверждается особенно отчетливо. В ее смерти мы видим особенно ясно экзистенциальный смысл или, точнее, противосмысл ее жизни. Этот смысл состоял не в том, чтобы быть самой собой, а в том, чтобы как раз не быть самой собой. Речь идет о том, что Кьеркегор назвал болезнью к смерти (*Krankheit rum Tode*).

Время

1. Время эфирного мира, проект этого мира направлен в будущее, но это будущее пустых возможностей, ибо оно не привязано к действительности. В подобном будущем «все возможно», это будущее несет в себе дух неограниченного, лишеного препятствий, необузданного, честолюбиво-оптимистического стремления и желания. Пространственный характер этого будущего – безграничная светлая блестящая даль. Этот мир неподлинного будущего подвержен угрозе появления границ и тени, то есть угрозе со стороны прошлого; ибо исторически-временная структура бытия может измениться в сторону упорства, своеволия, честолюбия, но не надломиться и не превратиться в свою противоположность.

2. Время подземного мира. Речь здесь может идти об опустошении в аспекте, связанном с землей, могилой или отверстием в земле. Опустошение в сфере значимости мира и экзистенциальная пустота – это одно и то же. Опустошенный мир значит все меньше, бытие все меньше обнаруживает, как ему строить свой проект и каким образом понять себя самое. Время такого мира в обиходном языке характеризуется выражениями «больше нет никакого движения» и «все остается по-старому», и это означает некую остановку или, по меньшей мере, продвижение ползком (*Kriechen* = ползание – *Перев.*). Когда Эллен Вест говорит, что воспринимает себя как земляного червя, она имеет в виду то же самое, что и тогда, когда утверждает, что ее развитие прекратилось, что она отрезана от будущего, не видит перед собой света и дали, и движется по темному узкому кругу.

3. Время мира деятельности. Практические занятия Эллен Вест связаны с ее честолюбием, стремлением улучшить мир, а также со стремлением забыть себя и развлечением. При этом Эллен судорожно пытается привнести в это развлечение некий порядок. Мы видим некую «озабоченность» по поводу своего времени, педантическое распределение времени, беспокойное заполнение его. Это связано также и со страхом растолстеть: необходимость заполнить время есть лишь один из моментов постоянной потребности «заполнить экзистенциальную пустоту».

4. Если бы мы хотели обозначить одним словом образ бытия Эллен Вест, то это слово – отчаяние. В данном случае временное созревание имеет характер укорочения бытия, «сморщивания» бытия, точнее, снижение его столь богато и подвижно распределенной структуры на менее распределенный уровень: единство структуры распадается.

Будущее движется вспять, прошлое преобладает, настоящее превращается в простое сейчас или в простой временной отрезок. С точки зрения пространства, перемены заключаются в сужении и опустошении мира, с точки зрения материальной консистенции – в заболачивании и отвердении, с точки зрения света и красок – в сером помрачении и черном затемнении, с точки зрения движения – в застывании.

То что в истории Эллен мы рассматриваем как самоубийство, есть с дазайн-аналитической точки зрения реализация возможности прорвать застывшее. То, что мы в качестве психиатров регистрируем и оцениваем извне как странный, болезненный, нелепый поступок шизофреника, можно понять дазайн-аналитически как последнюю попытку здесь-бытия прийти к себе самому.

Дазайн-анализ и психоанализ

Дазайн-анализ исследует человека во всех его формах здесь-бытия и всех его мирах, психоанализ – только в одной сфере. Поэтому дазайн-анализ имеет тенденцию к расширенной проработке фундаментальных понятий, в то время как психоанализ сужает и делает плоскими дазайн-аналитические формы исследования человека.

Особенно отчетливо разница между дазайн-анализом и психоанализом прослеживается в анально-эротической сфере. Эллен демонстрирует отдельные черты анального характера: исключительное упрямство и своеволие, большую педантичность в стремлении заполнить свое время.

Основной момент анальной эротики – это жесткое держание-при-себе и не-отдавание-от-себя. В анально-эротическом проекте мира (в случае Эллен Вест это особенно ясно) разнообразие и многомерность мира редуцированы до образа отверстия. Форма бытия в этом мире – суженное подавленное бытие; самость этого мира – «пустая» самость, озабоченная заполнением этой пустоты.

Разница между двумя типами анализа видна также на примере толкования третьего сновидения.

С точки зрения психоанализа: реанимация ее обоими мужчинами (мужем и бывшим возлюбленным) интерпретируется как символ оплодотворения; путешествие по морю, корабль, прыжок из него в иллюминатор связаны с мотивами материнского тела, родов и т.п.; упаковка чемодана – не только символ смерти, а также и беременности, это также связано со сферой анального (заполнение пустоты). Но возможно и другое (направленное не в прошлое, а в будущее) толкование: я желаю умереть, студент и мой муж должны мне в этом помочь, когда они это сделают, я смогу вновь без помех поесть пралине и запаковать мой чемодан (для «по ту сторону»).

Сравнивая дазайн-анализ и психоанализ, можно сказать, что при толковании сновидений, когда содержание сна заменяется «сновиденческими мыслями», происходит как бы конструирование

психоаналитиком некоей второй личности где-то «позади» сознательной личности, что с точки зрения дазайн-анализа недопустимо, ибо тогда мы не можем говорить об индивидуальности как о мире, являющемся ее миром.

В основе различия между дазайн-анализом и психоанализом – пропасть между двумя методами; феноменологическим, стремящимся вжиться в феноменальное содержание каждого словесного оборота, каждого действия и попытаться понять его «по эту сторону» расчленения целостного бытия на тело, душу и дух, сознание и бессознательное, и опредмечивающим естественнонаучным, который заслоняет феномены «гипотетически допущенными стремлениями» (по выражению Фрейда), исследует содержание речи не столько с точки зрения обретающего очевидность проекта мира, а с точки зрения этих стремлений или «природных» влечений. При этом исключительное значение придается внеличному, безымянному «Оно», чуждому «Я» и «Мы», при этом имеет место безнадежная подчиненность некоей *vis maior*, которой человек противостоит, не имея собственно возможности противодействовать.

ЭЛЛЕН ВЕСТ И ОДИНОЧЕСТВО*

КАРЛ РОДЖЕРС

Карл Рэнсом Роджерс (8 января 1902г., Оук-Парк, Иллинойс – 4 февраля 1987г., Ла-Хоя, Калифорния) – выдающийся американский психолог и психотерапевт. Один из основоположников гуманистической психологии, основатель нового подхода в психотерапии, известного под названиями: недирективная (40-е гг.), клиенто-центрированная (50-60-е гг.), личностно-центрированная терапия. Доктор философии с 1931г. Сотрудник Учительского колледжа (Колумбийский университет), Института детского воспитания, сотрудник и директор (с 1939г.) Рочестерской детской клиники (Нью-Йорк). В 1940-1945 гг. – профессор клинической психологии в Университете Огайо, с 1945 по 1957г. – профессор психологии и секретарь консультационного центра при Чикагском университете, в 1957-1963гг. – профессор психологии и психиатрии в Висконсинском университете. В 1964-1968гг. работает в Западном институте поведенческих наук. С 1968г. до последних дней – директор Центра по изучению личности в Ла-Хоя (Калифорния). Президент Американской ассоциации прикладной психологии (1945-1946), Американской психологической ассоциации (1946-1947), Американской академии психотерапевтов (1956 -1957).

Теория личности Роджерса выросла из его клинической практики. В центре ее стоит учение о «Я» (Self). По Роджерсу, существуют две системы регуляции поведения: организм и «Я». Основная тенденция организма – актуализировать, сохранить и усилить себя. Организмом принимаются такие способы поведения, которые согласуются с «Я» личности. «Я» личности формируется во взаимодействии организма со средой и в общении с другими людьми. Оно выделяется как особая область в поле опыта индивида, которая складывается из системы восприятий и оценки человеком своих собственных черт и отношений к

---

* Перевод статьи К.Роджерса сделан по тексту: *Rogers C. Ellen West – and Loneliness // Review of Existential Psychology and Psychiatry, 1961, Vol.1, № 2, 94-101.*

миру. Самооценки могут быть не только непосредственными, но и заимствоваться от других людей, при этом они, как правило, оказываются искаженными и не допускают проверки в реальном опыте индивида. Система «Я» стремится к внутренней самосогласованности.

Когда структура «Я» ригидна, то опыт, который не согласуется с ней, воспринимается как угроза личности и либо (при своем осознании) подвергается искажению, либо вовсе отрицается.

Психологически, однако, он не перестает от этого существовать для личности. Стремясь во что бы то ни стало удержать неадекватное представление о себе, личность вынуждена при этом придавать ему еще большую жесткость, что в свою очередь ведет к тому, что все большая часть ее реального опыта подвергается искажению и отчуждается от личности. Развивающийся таким образом лавинообразный процесс отчуждения личности приводит к потере контакта с реальностью, а в некоторых случаях к тяжелым психическим расстройствам личности, при которых возникает необходимость во вмешательстве психотерапевта.

Личностно-центрированная терапия и преследует цель прежде всего перестроить структуру «Я» личности, придать ей гибкость, «качество процесса», в результате чего личность становится «открытой» по отношению ко всему реальному жизненному опыту и как бы вновь обретает себя.

Проведение такого рода терапии предполагает, по Роджерсу, прежде всего, что терапевт способен войти в глубоко личностный контакт с пациентом, воспринимая его как личность, обладающую безусловной ценностью, вне зависимости от его состояния, поведения и чувств, но также, что и сам пациент способен почувствовать хотя бы отчасти это безусловное положительное отношение терапевта, готовность терапевта до конца принять и понять его⁹.

Приводим список основных работ К.Роджерса:

The Clinical Treatment of the Problem Child. – Boston: Houghton Mifflin, 1939;

Counseling and Psychotherapy: New Concepts in Practice.— Boston: Houghton Mifflin, 1942;

Client-Centered Therapy: Its Current Practice, Implications and Theory. – Boston: Houghton Mifflin, 1951;

On Becoming a Person. – Boston: Houghton Mifflin, 1961;

Person to Person (with B.Stevens). – Moab Utah: Real People Press, 1967;

Freedom to Learn: A View of What Education Might Become. – Columbus OH: Charles Merrill, 1969;

Carl Rogers on Encounter Groups. – New York: Harper and Row, 1970;

Becoming Partners: Marriage and Its Alternatives. – New York: Delacorte Press, 1972;

---

⁹ Биографическая справка написана А.А.Пузыреем.

Carl Rogers on Personal Power: Inner Strength and Its Revolutionary Impact. – New York: Delacorte Press, 1977;

A Way of Being. – Boston: Houghton Mifflin, 1980;

The Carl Rogers Reader. Edited by H.Kirschenbaum and V.L.Henderson. – Boston: Houghton Mifflin, 1989;

Carl Rogers: Dialogues. Edited by H.Kirschenbaum and V.L.Henderson. – Boston: Houghton Mifflin, 1989.

В данной статье я хочу изложить свою точку зрения относительно чувства одиночества, испытываемого современным человеком. Я воспользуюсь случаем Эллен Вест, чтобы проиллюстрировать то, как одиночество может достигнуть своей предельной, трагической глубины.

Проблему одиночества можно исследовать с разных сторон. Здесь я хочу сосредоточиться на рассмотрении только двух аспектов чувства одиночества, которые мы так часто наблюдаем у наших клиентов и у многих других людей. Первый из них – это отчуждение человека от самого себя, от непосредственно переживаемого опыта (*experiencing*) своего организма!¹⁰. Вследствие этого внутреннего раскола одно и то же переживание имеет один смысл для организма, испытывающего непосредственный опыт (*experiencing organism*), тогда как для сознательного «я» – совсем иной. Сознательное «я» ригидно привязывается к тем смыслам, при помощи которых оно получало любовь и принятие со стороны других.

Следующим важным аспектом нашего одиночества является отсутствие таких взаимоотношений с другими людьми, в рамках которых мы могли бы поделиться нашими действительными переживаниями, и таким образом открыть наше действительное «я» другому. Если у нас нет таких отношений с другими людьми, при которых мы могли бы выразить обе стороны нашего разделенного «я» – наш сознательный фасад и наши подлинные внутренние переживания – мы испытываем одиночество, отсутствие подлинной связи, подлинного контакта с кем-либо из людей.

Является ли одиночество исключительно проблемой, специфической для наших современников? Возможно. Хотя и в прежние времена люди не доверяли своему непосредственному опыту или игнорировали его, с тем чтобы сохранить уважение значимых других, однако выстроенный человеком сознательный фасад, смысл, который он стал теперь приписывать своим переживаниям, становился унифицированной системой ценностей и смыслов, дававшей ему поддержку и опору в жизни. Все его социальное окружение воспринимало жизнь сходным образом. И хотя такой человек невольно отрекался от своего внутреннего «я», он по крайней мере обретал непротиворечивое «я», одобряемое и

---

¹⁰ Согласно теоретическим воззрениям К.Роджерса, «организм» – это некое натуральное ядро человеческой личности, которое обладает врожденными потенциями, тенденцией к естественному росту и самоактуализации. Непосредственно переживаемый организмом опыт наделяется достоинством безусловной подлинности. Символизация этого опыта в человеческом сознании может быть верной или искаженной. – *Прим. ред.*

уважаемое другими. К примеру, пуританин прежних дней безусловно испытывал значительное внутреннее напряжение, отрицая значительную часть своего организмического непосредственного опыта. Однако сомнительно, что он испытывал чувства одиночества и отчужденности с той же остротой, с которой их ощущают наши сегодняшние клиенты.

Современный человек, как и люди прежних времен, которые были членами намного более гомогенных групп, также отказывается от своего собственного опыта переживания в пользу такого способа бытия, который обеспечивает ему любовь окружающих. Но поскольку сформированный им защитный фасад заимствован у весьма узкого круга людей – своих родителей или кого-то из значимых в его жизни фигур, он систематически сталкивается с тем фактом, что одни люди одобряют и поддерживают его фасад, тогда как другие смотрят на жизнь совершенно другими глазами. Ни один фасад не может быть абсолютно надежным. В силу этих причин современный человек с особой остротой *переживает* одиночество, оторванность как от своего глубинного уровня бытия, так и других людей.

Теперь я продолжу обсуждение проблемы фундаментального одиночества современного человека, используя в качестве примера весьма показательную историю молодой женщины, известной под именем Эллен Вест.

Я рад, что именно этот случай был выбран в качестве основы нашей дискуссии¹¹. Во-первых, дневники и письма самой Эллен Вест существенно обогащают описание ее случая, придавая ему особую личностную глубину. Во-вторых, полное описание этого случая доступно как на немецком языке (*Binswanger, 1944-45*), так и на английском (*Binswanger, 1958*). И, наконец, случай Эллен Вест демонстрирует нам способ мышления и практической работы некоторых из самых известных психиатров и психотерапевтов начала века.

Я не буду подробно обсуждать всю трагическую историю Эллен Вест – одно только клиническое описание занимает более 30 страниц, напечатанных петитом, – а прокомментирую лишь некоторые ключевые события ее жизни.

Во-первых, ее юность. До двадцатилетнего возраста Эллен представляется мне вполне интегрированной личностью, вполне обычной девушкой. Клиницисту, в особенности знающему развязку ее истории, нетрудно усмотреть патологию в ее анамнезе, относящуюся к более раннему возрасту. Я же не вижу никакой патологии в ее детстве и юности. В эти годы она отличалась живостью, чувствительностью, своенравием, упрямством, любознательностью, честолюбием, эмоциональностью, экспрессивностью, лабильностью поведения – словом, она была живым человеком. Она была весьма привязана к своему отцу. Ей очень хотелось быть мальчиком – до тех пор, пока она не встретила юношу, который ей

¹¹ Очевидно, Карл Роджерс имеет в виду дискуссию на страницах журнала «Review of Existential Psychology and Psychiatry», где впервые была опубликована данная статья. К сожалению, мы располагаем только текстом К.Роджерса. – *Прим. ред.*

понравился. Ее волновал вопрос, в чем предназначение жизни. У нее были идеалистические мечты достичь чего-то очень большого в своей жизни. Ни одно из этих свойств не могло фатально предвещать зловещее будущее. Скорее наоборот, она представляется очень живым, многогранным и эмоционально богатым, тонко чувствующим подростком с большими задатками. «Двадцатый год ее жизни был наполнен счастьем, радужными надеждами и планами. Она мечтает встретить сильного, серьезного, любящего мужчину. Она получает удовольствие от еды и питья. Но в этот год у нее происходит существенное отчуждение от самой себя. Она была помолвлена с романтическим иностранцем, но по настоянию отца была вынуждена расстаться с ним. У нас не так много фактов, но, судя по тому, что она не проявила ни малейшего сопротивления воле отца, я подозреваю, что она приняла его чувства так, будто это были ее собственные чувства. В схематическом виде ход мыслей Эллен в этой ситуации можно представить примерно так: «Я думала, что я влюблена. Об этом, казалось, говорили мои чувства. Но я не могу полагаться на свои чувства. Я совсем не была влюблена. Моя помолвка была ошибкой. Если я буду идти за своими чувствами, я буду поступать дурно и потеряю любовь отца».

В течение нескольких недель она очень много ест и заметно полнеет. Это первое проявление того, что затем станет ее основным симптомом. Возможным свидетельством того, что Эллен Вест стала утрачивать доверие к себе, может послужить тот факт, что она решила ограничивать себя в еде лишь после того, как ее подруги стали шутить по поводу ее фигуры. Постепенно она все в большей степени испытывает потребность строить свою жизнь в соответствии с ожиданиями других, поскольку уже не может доверять своим внутренним побуждениям.

Нетрудно понять, почему она в этот период начинает презирать себя и даже представлять себе смерть как «восхитительную и прекрасную даму». Ведь в конце концов она – это всего лишь жалкое, недостойное, заблудившееся существо, переживающее массу ложных чувств, достойных лишь презрения. В своем дневнике она пишет о «теньях сомнения и страха». Вскоре ее тревога кристаллизуется в страх полноты. Нет ничего удивительного и в ее испуге по поводу появления в ней «злых духов» – отвергнутых ею чувств, которые ее теперь преследуют.

Я уверен, что этот период не является самым началом процесса отчуждения ее «я» от ее внутренних чувств, но несомненно, что события этого времени сыграли значительную роль. Их особое значение состоит в том, что они способствовали разрушению ее веры в себя как человека, способного к автономии.

Этот период характеризуется чередованием резких спадов и подъемов. Эллен Вест хочет сделать нечто значительное в своей жизни. Она прилежно учится. Она мечтает о социальной революции. Ей удастся

организовать комнаты-читальни для детей. Но временами она чувствует себя «жалким, ничтожным червем». Она с упоением думает о смерти, по многу раз возвращается к фразе, произнесенной одним преподавателем: «Хорошие люди умирают молодыми». Но «жизнь снова торжествует». Однако вскоре после «неприятной любовной истории с учителем верховой езды» у нее происходит «срыв». Ее начинают терзать мысли о ее «ужасном» весе.

Эллен 24 года. В это время в ее жизни происходит еще ряд событий, вследствие которых она еще в большей степени теряет уверенность в себе. Хотя Эллен не находит в себе сил отказаться от опеки ее старой гувернантки, она в восторге от учебы и студенческой жизни. Записи в ее дневнике «наполнены дыханием жизни и чувственности». Она влюбляется в студента. Судя по всему, это было отнюдь не временное легкое увлечение, а весьма глубокое чувство, которое не оставляло ее многие годы. Но после помолвки с ним ее родители вновь доказывают ей, что она ошибается в своих чувствах. Они настаивают на том, чтобы она временно рассталась со своим избранником. Таким образом, она должна подвести себя к мысли, что ее отношения со студентом – это нечто несерьезное, неподлинное, от чего следует отказаться. Она вновь проявляет недоверие к своему непосредственному опыту, отвергая свои прежние чувства и интроецируя чувства своих родителей. Она расстается со своим возлюбленным, и это знаменует собой окончательное крушение ее веры в свою способность самостоятельно и разумно руководить собой и своей жизнью. Доверять можно только опыту других. Вскоре она обращается за помощью к доктору.

Если бы Эллен взбунтовалась, если бы у нее нашлось достаточно сил, чтобы отстоять свое право на собственный опыт переживания своего мира, то она осталась бы верна своим подлинным чувствам и в буквальном смысле спасла бы свое потенциально автономное «я». Однако вместо бунта она впадает в глубокую депрессию и начинает ненавидеть свое тело. Она абсолютно не доверяет своему организму, который, как ей кажется, только дезориентирует ее в жизни. О степени ее отвержения собственного «я» говорит ее жуткая диета. Как она скажет позже: «Что-то во мне восстает против того, чтобы я растолстела. Что-то во мне противится тому, чтобы я была здоровой, чтобы у меня были румяные круглые щеки, чтобы я была простой цветущей женщиной, что соответствует моей истинной природе».

Другими словами, если бы она доверилась своим собственным чувствам и желаниям, она стала бы полной пышущей здоровьем женщиной и вышла бы замуж за студента, которого она любила. Но она уверила себя, что ее чувства сомнительны, а ее стремления и желания являются абсолютно ненадежным ориентиром. Вследствие этого она должна не только отвергнуть свою любовь, но и истязать себя голоданием, чтобы заставить свое тело принять ту форму, которую одобряют другие,

но которая абсолютно противоположна ее собственным тенденциям. Таким образом, она полностью утратила доверие к собственному переживаемому опыту (experiencing) как главному жизненному ориентиру.

Я кратко прокомментирую еще один эпизод жизни Эллен. В 26 лет она решает, что ее кузен может стать подходящим для нее супругом. Ее родители одобряют выбор. Все готово к свадьбе. Но Эллен в течение еще двух лет колеблется в своем выборе между кузеном и любимым ее студентом. Она отправляется на встречу со студентом и окончательно порывает с ним, что оставляет, по ее словам, в ее душе «открытую рану». Нам неизвестно, о чем они говорили, но я предполагаю, что это была чрезвычайно важная встреча, в момент которой решалась судьба Эллен. Доверится ли она своим чувствам и сделает свой выбор в пользу человека, которого любит, или же предпочтет кузена? Ее собственные чувства к кузену намного прохладнее, но по отношению к нему она *должна* испытывать те предполагаемые чувства, которые одобряются ее родителями. Мне кажется, что подспудно она понимала, что, избрав студента, она избирает неизведанный путь независимости и автономии. Отдавая предпочтение кузену, она подчинит свою жизнь ожиданиям других, но это принесет ей безопасность и одобрение близких. Она выбирает кузена и выходит за него замуж, делая тем самым еще один шаг в сторону полного отречения от своего подлинного «я»¹².

В 32 года Эллен становится полностью одержимой идеей, что она должна похудеть во чтобы то ни стало. С этой целью она морит себя голодом и принимает до 60 таблеток слабительного в день! Неудивительно, что у нее так мало сил. Она посещает психоаналитика, но чувствует, что это ей не помогает. Она пишет: «Я пытаюсь анализировать [свои проблемы], но все остается для меня на уровне теории»; «Аналитик может дать мне понимание, но не излечение». Тем не менее, когда в силу внешних обстоятельств анализ прерывается, ее состояние становится значительно хуже.

В этот период она размышляет о своей идеальной любви – студенте. В своем письме к мужу она пишет: «В то время ты был для меня жизнью, которую я была готова принять и ради которой отказаться от своего идеала. Но это было... вынужденное решение». Кажется, что она отчаянно старается испытывать чувства, которые другие хотят, чтобы она испытывала, но ей приходится усиленно принуждать себя к этому.

С этого времени внутреннее самоотчуждение Эллен ведет к все большему и большему чувству изолированности и отчуждению от других людей. Неудивительно, что ее первая попытка покончить жизнь

---

¹² Для того чтобы показать, насколько различными могут быть точки зрения по поводу одного и того же события, приведу комментарий Бинсвангера, в котором он описывает внутреннюю борьбу Эллен между ее «идеальной» и «реальной» частями. Он сравнивает «белокурого возлюбленного, являющегося частью эфирного (идеального) мира и другого (кузена), который твердо стоит ногами на земле... Земная жизнь вновь одерживает победу». Боюсь, что оба комментария – и доктора Бинсвангера, и мой – свидетельствуют о том, что наши ценности проглядывают даже тогда, когда мы пытаемся делать «объективные наблюдения»!

самоубийством совпадает с моментом, когда ее второй аналитик, работающий с ней в больнице, повторяет теперь нам хорошо известный стереотип. Ее муж хочет быть рядом с ней в больнице, и она тоже хочет этого. Но отцовская фигура, аналитик, знает все лучше других, и он настаивает на отъезде мужа Эллен. Он словно добывает последние остатки ее доверия к себе и своим чувствам.

Теперь она еще более остро испытывает свое одиночество, а ее трагедия входит в свою финальную фазу. Она посещает все новых психиатров – становясь все в большей степени объектом в глазах тех, к кому она обращается за помощью. В конечном итоге ее направляют в санаторий доктора Бинсвангера, где она проводит несколько месяцев.

Во время пребывания Эллен в санатории специалисты никак не могут сойтись во мнениях относительно ее диагноза. Знаменитый психиатр Эмиль Крепелин выставляет диагноз меланхолии, застав Эллен в период депрессивного состояния. Ее второй аналитик определяет ее диагноз как «тяжелую форму невроза навязчивых состояний, сопровождаемого маниакально-депрессивными колебаниями». Психиатр-консультант квалифицирует случай Эллен как «прогрессирующее развитие психопатической конституции». Он подчеркивает, что у нее нет шизофрении, поскольку у нее не наблюдаются какие-либо дефекты интеллектуальной сферы. Но доктор Блейлер и доктор Бинсвангер единодушны в оценке состояния Эллен: «прогрессирующий шизофренический психоз (schizophrenia simplex)»¹³. Их прогноз самый неблагоприятный, и они отмечают, что «выписка из санатория однозначно повлечет за собой суицид».

Поскольку Эллен была в курсе этих дебатов между психиатрами, она, скорее всего, стала сама видеть в себе не живого человека, а некий странный сломанный механизм, совершенно вышедший из-под контроля и стремящийся к саморазрушению. Мы не сможем найти ни малейшего признака уважения к человеческой личности во всех этих диагностических дискуссиях. Нетрудно понять слова Эллен, когда она пишет: «Я смотрю на себя как на совершенно чужого человека. Я боюсь сама себя», или еще: «В этом отношении я безумна. Я погибаю в борьбе против своей собственной природы. Судьбе было угодно, чтобы я была толстой и сильной, я же стремлюсь быть худой и изящной». Действительно, она погибает в борьбе со своей природой. Ее организм хочет быть здоровым и сильным, но ее интроецированное «я» – неподлинное «я», принятое ею в угоду ближним – желает быть, по ее словам, «тонким и интеллектуальным».

Два мудрых доктора, несмотря на риск самоубийства, приходят к выводу: «Поскольку в данном случае нет никакой действенной терапии, мы уступили желанию пациентки выписаться». Она покинула больницу. Тремя днями позже она казалась совершенно поправившейся и

---

¹³ простая форма шизофрении – *Прим. пер.*

счастливой. Впервые за многие годы она хорошо ела, но затем приняла смертельную дозу яда. Ей было 33 года. В качестве эпитафии ей могут послужить ее собственные слова: «Я чувствую себя некой пассивной сценой, на которой разворачивается смертельная схватка двух враждебных сил».

Почему же так трагически сложилась судьба Эллен Вест? Надеюсь, я достаточно ясно показал, что суть ее трагедии в раздвоении, которое в той или иной степени присуще каждому из нас. Однако в ее случае оно достигло своих крайних форм. Будучи детьми, мы живем нашим непосредственным опытом. Мы, несомненно, доверяем своим переживаниям. Когда ребенок голоден, он не сомневается ни относительно своего чувства голода, ни в отношении того, что он должен обязательно добиться, чтобы его накормили. Ребенок, хотя и не осознает этого, является организмом, доверяющим своему непосредственному опыту. Однако в какой-то момент его родители или кто-то из близкого окружения говорят ему: «Если ты будешь чувствовать *таким-то* образом, то я не буду любить тебя». В итоге ребенок начинает чувствовать то, что он *должен* чувствовать, а не то, что действительно чувствует. Таким образом, в нем формируется «я», испытывающее только те чувства, которые оно должно чувствовать. И лишь временами до его сознания вдруг доходят пугающие его вспышки переживаний, которые *действительно* испытывает его целостный организм, а не одно лишь «я», составляющее только одну его часть. В случае Эллен этот процесс действовал в своей крайней форме. В решающие моменты своей жизни Эллен убеждали, что ее собственный непосредственный опыт ошибочен и ненадежен и что ей следует чувствовать нечто совсем другое. К сожалению, ее любовь к своим родителям, в особенности к отцу, была настолько сильной, что она предпочла доверять не своим собственным чувствам, а чувствам отца и своих близких. Кажется закономерным наблюдение, сделанное одним из ее врачей в последний год ее жизни: «Хотя будучи ребенком она отличалась крайней независимостью мнения от окружающих, в настоящее время она находится в полной зависимости от того, что они о ней думают». Она полностью теряет контакт с тем, что она чувствует и что она думает. Это и является предельной формой одиночества – быть совершенно отделенным от своего автономного организма.

В чем неудача ее лечения? Перед нами умная, тонко чувствующая женщина, искренне ищущая помощи. Прогноз, по современным стандартам, кажется весьма благоприятным. Почему же такой полный провал? Конечно же, здесь возможна масса самых различных мнений, но мне хочется выразить свою собственную точку зрения.

Главным недостатком в ее лечении было то, что, как кажется, никто из врачей не отнесся к ней как к человеку – личности, достойной

уважения, способной к самостоятельному выбору, чей внутренний опыт является самой надежной опорой и самым точным ориентиром.

Однако, судя по всему, с ней обращались как с объектом. Ее первый аналитик помогает ей прояснить ее чувства, но не пережить их. Это только усиливает ее отношение к себе как к объекту и еще больше отстраняет ее от жизни своими собственными чувствами, опоры на свой внутренний опыт. Эллен мудро замечает, что «аналитик может дать мне понимание, но не излечение». Аналитик показывает ей, что она является индивидуумом с такой-то и такой-то динамикой. Она соглашается с ним, хотя с уверенностью можно сказать, что непосредственно она не переживает эту динамику как часть своего внутреннего опыта. Она просто следует тому же стереотипу, который привел ее к изоляции – не доверять своим собственным чувствам и пытаться поверить, будто она действительно чувствует то, что, по мнению эксперта, должна чувствовать.

Затем наступает период трагикомических дебатов по поводу диагноза Эллен, относительно которых она вполне осведомлена. Врачи расходятся во мнении, какого типа объектом она является: маниакально-депрессивным, обсессивно-компульсивным, излечимым, неизлечимым. Наконец, выносится абсурдный финальный вердикт, который гласит, что она больна шизофренией, проявляет суицидальные тенденции и представляется некурабельной, а посему мы выписываем ее из больницы и предоставляем ей возможность покончить жизнь самоубийством. По крайней мере, хоть последнее предсказание оказалось верным.

«Я кричу, но они не слышат меня», – эти слова Эллен звенят у меня в ушах. Действительно, никто не услышал ее как человека, живую человеческую личность. Когда кончились ее детские годы (а не исключено, что и в детстве), никто не проявил к ней уважение в достаточной мере, чтобы по-настоящему услышать ее голос – ни ее родители, ни оба ее аналитика, ни ее врачи. Все они видели в ней существо, неспособное отвечать за собственную жизнь, чьи переживания обманчивы, чьи внутренние чувства недостойны принятия. Могла ли она при таком отношении к себе всерьез слушать себя, относиться с уважением к тому, что происходит внутри нее?

«Я совершенно отгорожена от людей. Я словно сижу в стеклянном шаре. Я вижу людей через стеклянную стену. Я кричу, но они не слышат меня». Эта запись Эллен – настоящий вопль одиночества и отчаяния. Ей никогда не довелось испытать то, что Мартин Бубер назвал «исцеление через встречу». В ее жизни не было никого, кто мог бы встретить ее, принять ее такой, какой она была.

Размышляя о трагической истории жизни Эллен Вест, я испытываю одновременно чувства гнева и воодушевления. Меня выводит из себя, что эта женщина ушла из жизни, так и не встретив ни у кого человеческого понимания. Воодушевление же мое связано с тем, что мы довольно

многому научились за прошедшие с тех пор годы. Если бы Эллен Вест пришла сегодня в мою консультацию или ко многим из известных мне коллег, то ей смогли бы помочь. Постараюсь в общих чертах описать, что гипотетически могло бы происходить в нашей работе. Для простоты представим, что она пришла ко мне на прием, когда ей было года двадцать четыре. Поскольку именно в этом возрасте она обратилась к врачам за медицинской помощью, то вполне логично предположить, что сегодня она стала бы искать помощи психологической. И так, я встречаюсь с ней в тот момент ее жизни, когда по настоянию родителей она только что рассталась со студентом, в которого была влюблена.

Хотя я знаком с Эллен только по описанию ее случая, я достаточно уверен, что не испытывал бы никаких внутренних барьеров к тому, чтобы отнестись с принятием к этой несчастной, эмоционально подавленной женщине, истязавшей себя голоданием. Я бы проявил уважение и к тому, какая она есть, и к тому, какой она могла бы быть. При этом я поддержал бы ее внутреннее стремление быть одновременно и такой, и такой – или принять только одну свою часть.

Уверен, что во время наших первых встреч зазвучали бы следующие темы: «Я чувствую себя совершенно подавленной, но я не знаю, что меня так угнетает»; «Я не могу оставаться в одиночестве, но совершенно не понимаю почему»; «Я ненавижу себя толстой и я знаю, что должна быть худой, но опять же я совсем не понимаю почему»; «Я действительно любила одного студента, но, скорее всего, наш брак не принес бы нам счастья. Мои родители говорили мне, что он совершенно неподходящая мне пара». Убедившись, что я понял эти чувства и принял ее право на них, она бы начала робко открывать в себе и другие переживания. Вероятно, она рассказала бы, что испытывает горечь по поводу разлуки со своим женихом, что она сильно любила его и продолжает любить и сейчас, а также что она сердится (очень пугающее чувство) на отца. Медленно, шаг за шагом она стала бы открывать, что может испытывать одновременно и любовь и злость по отношению к отцу; любовь и злость по отношению ко мне; страх независимой жизни и страстное стремление к ней; желание быть мужчиной и желание быть женщиной; желание быть полной розовощекой умиротворенной домохозяйкой и желание быть утонченным, талантливым, целеустремленным строителем социальных реформ. Она заметила бы, что испытывает сильный голод, что ей хочется много есть и быть цветущей женщиной, но при этом она боится стать толстой, уродливой и быть отвергнутой своими друзьями. Она могла бы сказать, как она действительно говорила: «Я боюсь саму себя, своих собственных чувств. Каждую минуту они завладевают мной, а я перед ними совершенно беспомощна и беззащитна». Постепенно она смогла бы свободно пережить все эти чувства, все эти аспекты самой себя.

Она обнаружила бы, что многие из этих чувств действительно сопряжены с переживанием страха. В частности, поиски человеком своего

собственного независимого пути неизбежно связаны не только с чувством волнующей радости, но и с переживанием большого риска. Приведу слова одной женщины, с которой мне довелось работать. Мне кажется, что Эллен сказала бы нечто сходное:

«У меня есть все симптомы страха... Мне кажется, что я словно подвешена в воздухе. Я чувствую себя такой ранимой... Тем не менее у меня есть ощущение собственной силы... Я чувствую внутренне, как во мне нарастает эта сила. Но сначала это было почти физическое ощущение одиночества, потери поддержки, на которую я всегда могла опереться... (Пауза.) ...Мне кажется, что теперь я смогу сделать намного больше в своей жизни».

Эти слова хорошо поясняют, что я имею в виду, говоря о полном переживании (experiencing) чувства и принятии его в условиях безопасных взаимоотношений. Если такой опыт имеет место, то он знаменует, по моему убеждению, момент изменения – возможно, даже физиологического, необратимого изменения. После того как Эллен удалось бы таким образом непосредственно пережить различные скрытые аспекты самой себя, она бы обнаружила, что стала изменяться. Теперь ее изменившееся «я» (self) начало бы руководствоваться ее собственными организмическими реакциями, ее собственным непосредственным опытом, а не оценками и ожиданиями других.

Она бы поняла, что ей совсем не нужно бороться с собственной природой и со своими чувствами. Она обнаружила бы, что если она сумеет быть открытой ко всем своим переживаниям – как к своим внутренним чувствам, так и к своим реакциям на ожидания и требования других – и будет чутко вслушиваться в их смысл, то она обретет надежный ориентир для своего поведения, прочную опору, на основе которой можно строить свою жизнь.

Терапевтические взаимоотношения, в которых различные стороны ее «я» были бы безоценочно приняты, помогли бы ей обнаружить, что, оказывается, возможно безопасно выражать свое «я» более полно. Убедившись в том, что другой человек способен понять и разделить с ней смысл ее внутреннего опыта, она почувствовала бы, что вовсе не обречена на одиночество, и ей совсем не обязательно отгораживаться от людей. Кроме того, она заметила бы, что постепенно начинает ладить сама с собой, что ее тело, ее чувства, ее желания отнюдь не являются ее врагами, а представляют собой дружественные и конструктивные части ее самой. Теперь она не стала бы с отчаянием говорить о себе, что она «погибает в борьбе со своей собственной природой». Две главные причины ее отчуждения начали бы устраняться. Во-первых, ее внутренние взаимоотношения с самой собой стали бы носить позитивный характер. Во-вторых, она знала бы, что возможны такие взаимоотношения с другим человеком, в которых безопасно быть полностью самой собой. В итоге она смогла бы все более полно проявлять себя в общении с другими людьми.

Снова и снова она стала бы получать подтверждение тому, что быть самой собой, быть своим подлинным «я» во взаимоотношениях с людьми скорее несравненно благодатнее, чем опасно.

Так я представляю себе процесс, который привел бы к освобождению Эллен из ее стеклянной тюрьмы. Она почувствовала бы, насколько увлекательна жизнь, хотя она нередко может приносить боль и страдание. Для нее никогда не кончался бы процесс поиска такого поведения, которое наиболее точно соответствовало бы ее сложным и противоречивым чувствам. Однако она стала бы живой и подлинной в своих отношениях как с собой, так и с другими людьми. Она разрешила бы для себя проблему своего одиночества – одну из самых трудных проблем современного человека.

Я совсем не испытываю смущения по поводу своей уверенности и своего оптимизма, когда я заявляю о возможном терапевтическом прогрессе, который можно было достичь, если бы Эллен имела возможность работать с личностно-ориентированным терапевтом. Мой психотерапевтический опыт не позволяет мне прийти к какому-либо иному заключению. Безусловно, я не могу быть совершенно уверенным, что Эллен продвинулась бы в нашей работе настолько далеко, как я это описал, но у меня нет сомнений, что она стала бы двигаться именно в таком направлении. Важнейшим условием здесь выступала бы моя способность установить с ней такие терапевтические взаимоотношения, в которых возникает глубокий контакт между двумя уникальными человеческими личностями.

Главные выводы, которые я делаю по поводу случая Эллен Вест, состоят в следующем. В той мере, в какой мы превращаем уникальную личность в объект, выставляя человеку диагноз, анализируя его, обезличенно записывая историю его болезни – мы создаем препятствия к достижению психотерапевтической цели. Рассмотрение человека как объекта может быть полезным в лечении физических заболеваний, но не в лечении психологических заболеваний. Мы можем оказать существенную помощь другому только тогда, когда мы взаимодействуем с ним на глубоком личностном уровне как два равноправных и достойных уважения человеческих существа, когда мы личностно рискуем в этих взаимоотношениях, когда мы воспринимаем другого человека как личность, способную к выбору своего собственного направления в жизни. Только в таком случае происходит по-настоящему глубокая встреча, утоляющая боль одиночества и клиента, и терапевта.

Перевод В.Н.Цапкина